

Наука плюс романтика

Я — археолог. Это значит, что каждое лето вместе со своими товарищами по работе я отправляюсь в экспедиции. Часто за несколько тысяч километров от Москвы, чтобы там раскапывать остатки поселений или могильники людей, которые жили сотни и тысячи лет назад. И даже не всегда раскапывать, потому что их надо сначала найти. Тогда наша экспедиция превращается в разведку, во многом похожую на геологическую, а сами мы становимся разведчиками во времени, разведчиками, которые должны проникнуть в глубь веков и «увидеть» то, что давно исчезло из памяти людей и погребено под многометровыми слоями земли...

История — это наука о том, как развивается человеческое общество. Мы узнаём своё прошлое, изучая документы, летописи, письма, памятники искусства, воспоминания. Но такие сведения часто бывают очень скудными. В самом деле, возьмём простейший пример. Всем известно, что Куликовская битва произошла 8 сентября 1380 года. Русское войско наголову разбило татар, и эта победа положила начало освобождению нашей Родины от татарского ига. Это исторический факт, о котором мы знаем из летописных источников и других документов. А вот как выглядело это русское войско? Как были вооружены воины? Во что они были одеты? Этому не скажет ни один летописец.

И тогда историку, заинтересовавшемуся этим вопросом, приходится обращаться к археологу, чтобы тот произвёл раскопки на Куликовом поле. В огромных курганах лежат скелеты воинов, латы, кольчуги, шлемы, копья, мечи, оковки от щитов, остатки луков и стрел...

Сухой исторический факт начинает обрастать плотью деталей. Изучая ход битвы, историк теперь как бы «видит» перед собой русские полки.

Археология — это вспомогательная историческая дисциплина. И роль её тем больше, чем древнее времена, о которых идёт речь. Ведь письмо было изобретено человеком сравнительно недавно — на Руси оно появилось всего около 1 100 лет назад. Документов сохранилось мало, да и записывали тогда только самые важные события. А история человечества уходит в глубокую древность: первое человеческое общество насчитывает по крайней мере полмиллиона лет. Вот поэтому можно сказать, что археология — это наука о древностях.

Археология — наука романтиков. Нет слов, интересно путешествовать, открывать неизвестные вершины, много дней идти по тайге, прокладывая первые маршруты. Но ещё увлекательнее вести поиски в прошлом, где тебя окружает бесчисленное количество загадок.

Меня спрашивают иногда: «А почему вы выбрали именно эту профессию, почему стали археологом?» В самом деле, как же это произошло?

Может быть, я стал археологом, ещё студентом попав в Новгородскую экспедицию? Тогда меня поразили словно по волшебству возникающие под лопатами остатки деревянных срубов, целые улицы с сохранившимися деревянными мостовыми, темно-коричневые от времени берестяные свитки, хранящие переписку древних новгородцев. Или это были раскопки Кармир-Блур в Ереване? Раскопки грозной и величественной урартской крепости, павшей в VII веке до нашей эры под набегом буйных и воинственных скифов, принёсшихся, словно ураган, из причерноморских степей. Или всё это было раньше, когда я пешком отправился по дорогам владимирского Ополья, чтобы увидеть древний сказочный город Суздаль, город-музей, хранящий в своих памятниках многовековую историю Руси?..

А может быть, это случилось ещё в школе, когда мне подарили маленькую серебряную монету? Монета, на которой была изображена Фаустина Августа, жена римского императора Марка Аврелия, на многие годы вперёд предопределила моё увлечение нумизматикой. За каждым из этих металлических дисков, полустёртых, покрытых коркой окислов, стояла История,

стояли люди. Интерес к ним заставлял меня рыться в книгах и справочниках, чтобы найти ответы на мучившие вопросы...

Я многим увлекался в детстве. И больше всего, пожалуй, минералогией. Я лазил по оврагам, исследовал обнажения, таскал домой полные карманы камней, изучал их, классифицировал. И только спустя много лет, уже в старших классах понял, чего же мне всё-таки не хватало: человека.

Пёстрая яшма, кроваво-красный или золотистый сердолик, бархатистая зелень малахита, тяжёлая голубизна свинцового блеска, прозрачные, словно льдинки, кристаллы горного хрусталя были всего лишь бездушными драгоценностями, вышедшими из ювелирной мастерской природы. Их не согревали человеческие руки. Никто не вкладывал в них трепет творческой мысли. Они не повествовали о беспощадной борьбе с суровой природой, о муках творчества, о радостях и страданиях, о мужестве и настойчивости...

Мы имеем дело с вещами. Мы ведём раскопки и собираем обломки того, что называется человеческой культурой. Все эти находки: орудия труда, посуда, оружие — всё то, что хранится под стёклами музейных витрин, — это история человечества, история его исканий и борьбы. И когда в экспедиции, раскапывая поселение, споря о той или иной находке, оперируя сугубо научными терминами, мы пытаемся восстановить историческую правду, — мы думаем в первую очередь о человеке, у которого не было времени писать мемуары, потому что он своим трудом, своей жизнью закладывал основы нашего современного мира...

Так я понимаю свою профессию. Может быть, в этом и есть романтика?